

СВЕТ БАГРОВЫХ ГОРИЗОНТОВ

Грозным был для всей нашей страны, и для нашего края в частности, 1942 год. Гитлеровские орды вплотную подошли к Сталинграду, их танковые колонны прорвались к Нальчику и пробивались дальше, к Орджоникидзе, стремясь в короткий срок, до начала зимней кампании, овладеть грозненской и бакинской нефтью. Немецкие горнострелковые дивизии, сражаясь с разрозненными, отступавшими нашими частями и созданными к тому времени в крае партизанскими отрядами, зачастую подавляли их численным и тактическим превосходством, вышли к некоторым перевалам Главного Кавказского хребта и были там остановлены невиданным по мужеству сопротивлением советских горных стрелков.

«На Марухском перевале,— свидетельствует много лет спустя Губерт Ланц, командир 1-й дивизии «Эдельвейс»,— проходили бои с переменным успехом... В начале сентября 1-я горная дивизия находится на высокогорном фронте, шириной своей охватывающем 80 километров в наступлении и обороне. Неповторимы события тех недель в скалах и на льду. До середины сентября усиливается вражеский нажим на север. Каждому благоразумному становится ясно, что наша высотная точка перейдена. Сил не хватает. Прорыв через Главный Кавказский хребет должен быть оставлен...»

Да, сами немцы к тому времени начали убеждаться, что благодаря мужеству и самоотверженности советских людей — солдат на фронте и партизан в тылу — планы их рушатся. Но это вовсе не означало, что немцы ослабили свои наступательные действия.

Скорее, наоборот. Но инициатива уже ускользнула из их рук. Прочно остановленные на всех фронтах, они вместе с тем все сильнее ощущали удары партизан в тылу, мощное сопротивление оккупантам всего советского народа.

В книге «Багровые горизонты», изданной в Ставрополе к 30-летию освобождения Ставрополя от немецко-фашистских захватчиков, заведующий отделом крайкома партии, бывший партизан Т. Мищенко свидетельствует: «Борьба народных мстителей с врагом изобиловала примерами массового героизма». В своих воспоминаниях он приводит убедительные эпизоды этого героизма, лаконично и точно рассказывает о суровых условиях партизанской борьбы в горах. Тут же он цитирует секретное донесение № 33 оперативной немецкой группы «Д» из Северного Кавказа в Берлин: «В различных местах лесной горной местности Кавказского хребта наблюдается оживление деятельности партизан. Большое их число проявляет активность, постоянно совершает успешные нападения на служащих вермахта, руководителей лагерей, полицейских и старост, а также диверсии на дорогах и горных тропах, при этом имеются большие жертвы и материальный ущерб».

Подобная эффективность партизанских действий, конечно же, была бы невозможной без участия в борьбе с оккупантами огромного большинства советских людей. Констатируя этот факт уже после оккупации немецко-фашистскими войсками Ставропольского края, Михаил Андреевич Суслов, бывший первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС и руководитель партизанского движения в крае, писал в газете «Правда» от 26 января 1943 года:

«...Приступившие к работе партийные организации опираются в своей деятельности на мощную поддержку беспартийного актива, на людей, беспредельно преданных Советской власти, Коммунистической партии...» В этой статье М. А. Суслов давал краткий, но емкий по содержанию анализ борьбы ставропольцев с гитлеровцами за почти шестимесячный период оккупации, и правильно сделали составители сборника «Багровые горизонты», что поместили ее в качестве предисловия к сборнику. Под активом, помогавшим партии как в борьбе на фронте, так и в работе в тылу, М. А. Суслов имел в виду и литераторов края, каждый из которых в меру своих сил и способностей, строчками, идущими из глубины сердца, выполнял свой долг перед народом и партией.

В рецензируемом сборнике собраны произведения литераторов старшего поколения, тех, кто воевал и работал в те трудные годы, а рядом — стихи и очерки нынешнего поколения поэтов и писателей, войны не видевших, но связанных прочной духовной связью с поколением старших, принявших и продолжающих их идеи. Их стихи и очерки также документальны, независимо от жанра. В этом особая ценность сборника.

Открывается он фронтовыми записями Эффенди Капиева, о которых он сам сказал: «Не надо выдумывать. Надо быть честным, каждая строка — истина. Не только рассказывать, но и звать. Все смешно перед лицом войны».

И еще: «Даже одна строка, честно написанная сегодня, будет со временем ценнее и прекраснее многих книг».

Записи самого Эффенди Капиева — свидетельство его правоты. В торопливых строчках, которыми исписаны фронтовые блокноты, в тех впечатлениях, что едва осмыслены, занесены для памяти на листки бумаги, много ценного не только для самого писателя, для его будущей работы над повестью или романом, но и для исследователя, для историка, для всякого, кто, потрясенный грандиозностью

нашего прошлого, захочет когда-либо увидеть и почувствовать его в обывденной наготе, в непосредственной близости, без того, что мы называем «художественным обобщением». Тут каждому дано самому определить ценность события и вынести ему приговор. Задуматься над фактом и ощутить его неизбежность, то есть совершить два действия, рождающих убеждение.

Быть может поэтому каждая сцена, донесенная к нам наблюдательностью Эффенди Капиева, и нами запоминается сразу, едва мы услышим о ней.

Такова сцена, когда казаки поют старинную народную песню. Тут явственно ощущаешь обстановку, в какой происходило действие — обстановку близкого боя, что для многих может оказаться последним, нерасторжимую связь людей, собравшихся во время вьюги «в холодном полуразрушенном помещении» с теми, кого они оставили на далекой и милой родине, и с теми, кто еще до них жил на этой родине и защищал ее, а потом вот сочинил эту песню, дающую силу и сегодняшним бойцам. Песня создает настроение, ради которого и рождена когда-то: «Однажды умираю - умру с честью!»

Или сюжет, когда разведчик, посланный, чтобы добыть «языка», не возвращается назад несколько суток, товарищи и командование решают уже, что он погиб, а он сидит с этим самым «языком» на маленьком кустистом островке, посреди бушующей, разлившейся в половодье горной реки, между нашими и немецкими позициями. Обоих донимает холод и голод, оба на грани физического и нравственного истощения. Победит тот, в ком сильнее воля к жизни и для кого слово «нравственность» не является пустым звуком. Естественно, что им оказывается наш боец. Хороши тут наблюдения над природой в горах, прекрасно передано настроение побеждающих людей, наших бойцов и

командиров. Это ведь тоже сюжет для большого рассказа по крайней мере. Автор о нем сказал просто: «Вот эпизод чисто горной войны...»

Вообще, внимательно ознакомившись со сборником «Багровые горизонты», можно убедиться, что здесь представлены и в определенной степени проанализированы все стороны жизни советских людей, ставропольцев и тех, кто в тяжкие месяцы лета, осени и зимы сорок второго года оказался на ставропольской земле. Вслед за лаконичными записями фронтовика Эффенди Капиева в сборнике идет большой очерк Ивана Егорова «Данила Рокотянский».

Герой его очерка, Данила Рокотянский, попал на Ставрополье из далекой Запорожской области. Он хорошо, кажется, прижился в прикумском колхозе, но немцы подошли и сюда. Настала пора подниматься и идти дальше.

Данила гонит на восток отару овец по степи, избитой миллионами копыт, гонит один, без подпасков, с помощью только двух свирепых и верных псов. В отаре не только овцы, но и коровы, и другие животные, оказавшиеся в гигантской неразберихе без хозяев. Данила собирал их по пути и присоединял к стаду, верный одной мысли: нельзя оставлять немцам колхозное добро. Много таких стад бредет по степи целыми днями, а по ночам расцветают тускловатые огни очагов. Даже в таких условиях люди не растеряли исконной своей силы и доброты.

«...Травы идут продолговатыми боровками, седые, горькие, пахнущие камфорой и еще каким-то лекарством.

А люди расположились в этой степи хорошо, домовито.

Иные разбили палатки, у других одеяла наброшены на поднятые оглобли телег. Тянет дымком, вареным мясом, луком...»

Это наши прикаспийские степи, картина их нарисована столь достоверно,

что видишь эти травы, чувствуешь их запахи, словно сам находишься там и сидишь у дымных, небогатых костров...

Данила Рокотянский через сорок тяжелых дней пригнал наконец свое разномастное стадо в безопасные места и сдал его какой-то комиссии, принимавшей за Терекком эвакуированные колхозные стада. На недоумевающий вопрос представителя комиссии, кому же принадлежит это стадо, кто его сдает, Данила ответил:

«...Пышить: сдал колхозник села Новы Раины Запорожской области, Данила Рокотянский. Приняла: Советская власть. Так и пышите!».

Здесь нет возможности поговорить о всей одиссее украинского старика, заброшенного войной на Ставрополье. Хочется сказать только, что куда бы он ни попадал — на рыбные ли промыслы, снова в прикумский колхоз, а из него — долгой обратной дорогой военного времени домой, на Запорожье, всюду он вносил рабочий лад, простоту человека, привыкшего к непоказному трудолюбию и обыкновенное человеческое понимание других людей, их забот, горя и надежд. Потому, быть может, его и не хотели отпускать всюду, где бы он ни останавливался на короткий срок, имея в душе и мыслях одну цель: дорогу на родину, И все это рассказано писателем щедро, красочно, достоверно...

Большое место в сборнике уделено материалам, рассказывающим о сопротивлении советских людей немецким оккупантам в их собственном тылу. Широко известна читателям нашего края и потому не требует особого разговора здесь и сегодня документальная повесть А.Коротина о величаевских молодогвардейцах, об их вожаке Александре Скокове, о старших их товарищах-партизанах, воевавших и партизанивших в труднейших условиях безбрежной степи и прикумских плавней. В сборнике помещена большая часть этой повести под заголовком: «Там, где плавни...» Помещен также отрывок из документальной книги Р.

Саренца «Непокоренный край», в котором разворачивается картина освобождения нашего края от немецко-фашистских полчищ, освобождения, в котором большую роль сыграли партизаны. О подвиге Володи Ковешникова, молодого партизана из станицы Старомарьевки, рассказал в очерке «С врагами воюют все» Леонид Бехтерев. О бесстрашии и верности своему долгу ставропольской девушки-партизанки Доры Карабут поведала Людмила Харченко. Есть в ее очерке — очень эмоциональном и основанном на воспоминаниях близких друзей Доры — несколько сухих строк, взятых из официального донесения помощника комиссара по комсомолу объединенных партизанских отрядов Северной группы Ставропольского края Николая Андреева: «После долгих пыток и издевательств призналась, что она партизанка, плюнула в лицо гестаповцу и запела «Интернационал». Выстрел прервал песню...» Это строки о трагической гибели комсомолки, схваченной врагами, они стоят многого. И хочется надеяться, что о Доре Карабут еще напишутся и рассказы, и песни.

К сожалению, размеры статьи не позволяют подробно поговорить о многих материалах сборника, достойных доброго и не поверхностного внимания. Это и «Рассказы о догаторцах» Ильи Чумака, и воспоминания Михаила Усова о храбром земляке-георгиевце Петре Карцеве, и очерк Никиты Чудина «Сквозь огонь», и многое другое. И все же об отрывках из романа Валентины Туренской, напечатанных в сборнике под заголовком «Трудный диктант», мне хотелось бы сказать несколько слов, прежде чем перейти к заключительной части.

Валентина Туренская взяла для своего романа тему трудную, но тоже абсолютно документальную. Тему сложную, требующую большого психологического напряжения и, наконец, просто хорошего знания настроений и действий той среды, о которой написан роман вообще и

отрывки, напечатанные в сборнике, в частности.

Говорится тут о сельской интеллигенции. Об учителях, о том, перед какой огромной дилеммой подчас становились они, находясь на оккупированной местности, когда приходила пора школьных занятий. Идти в школу или не идти? И если пойти, то чему и как учить ребятишек, которые с молоком материнским впитали нормы советского образа жизни, гуманистических идеалов, пионерской и комсомольской морали, исключаяющей узколобость и человеконенавистничество. А вокруг — враги. И эти враги требуют, чтобы детей учили их морали, их принципам, воспитывали в детях слепое поклонение «новому порядку», фашистской идеологии.

А тут, как всегда на крутых поворотах истории, появляются души слабые, боязливые; а то и просто подлые, поставившие себя в услужение врагам. Да, в тяжком положении оказалась Вера Игнатьевна Русанова, учительница села Красное с немецким наименованием Гроссендорф. Хорошо, если бы тайную борьбу надо было вести только с немцами, но тут же находится предатель Пронин, который хуже врага, потому что знает обо всех все и понимает, от кого можно ожидать противодействия «новому порядку». Личную честность и преданность Советской власти Русановой он отлично сознает и постарается не допустить «диверсии» с ее стороны.

А дети — не взрослые. Им, пожалуй, нельзя говорить все в открытую. И в учебе не обойтись только внушением истины, что дважды два — четыре.

Стоит одному из этих тридцати, — размышляет другая учительница, давшая согласие работать в школе, Татьяна Борисовна Черешнева, — не по злomu умыслу, а гордясь, любя ее, рассказать об ее словах — и все! Под жизнью будет подведена черта...

И каким прекрасным открытием

для учителей оказалось то, что дети понимают их и солидарны с ними. Что ненавидят и презирают врагов до такой степени, когда приходит готовность к открытым действиям. И тут нужен взрослый, умный сообщник, чтобы уберечь их от неосторожного шага.

Борьба началась и вполне логично привела учителей, далеких, будто бы, от военных действий людей, к прямой связи с партизанами, к вооруженной борьбе, где всего один шаг к трагическому исходу, но и к торжеству победы. Так гибнет Мария Ивановна Клёнова, учительница села Красное. И в тот же вечер: «По дороге за селом шагали два школьника — Шурик Туманов и Леня Сигарев. Если идти на восток, все на восток, то услышишь, как будет бить артиллерия, сначала глухо, потом явственнее... Им дадут винтовки! Не могут не дать, когда услышат рассказ о расстреле учительницы Марии Ивановны, о последних ее словах...»

Благородство целей рождает благородство поступков, и Валентина Ионовна Туренская сумела хорошо доказать это в своем романе.

В сборнике помещено много стихов самых различных авторов. О них, этих стихах, можно повести особый разговор, но сейчас, мне кажется, в этом нет неотложной необходимости. Можно ответить только, что написанные авторами различного темперамента и степени таланта они объединяются в одном безусловно — в любви к родному краю, в верности ему. Как-то сами собой, быть может, в силу исключительности биографий авторов, выделяются тут стихи фронтовиков — Владимира Дюкова, Андрея Исакова, Ильи Сосновского, Бориса Макушенко и погибшего на улицах нашего города при его освобождении Ивана Булкина. В стихотворении, найденном после гибели Булкина в кармане его гимнастерки, есть такие строчки:

...Пусть будет страх,
но только лишь не трусость,
пусть будет смерть,

но только лишь не плен!

Убеждения, за которые поэты готовы были платить собственной жизнью — и платили! — не могут не вызывать в нас истинного уважения и желания отстаивать их дальше. И помнить погибших. И желать, чтобы их именами были названы улицы. Об этом говорит в своем коротком очерке Ксения Пронская. Лаконично рассказывает нам о судьбе погибших за освобождение края и города. О Клавдии Абрамовой, замученной и расстрелянной в гестапо вместе с двумя малолетними детьми. Об Андрее Емельяновиче Короткове. Об Иване Булкине. Они погибли, их нет на земле, рядом с нами, но память о них не исчезнет, не потускнеет никогда...

Не все, на мой взгляд, удалось составителям сборника. Мало, например, использованы воспоминания непосредственных участников тех героических событий, особенно рядовых участников, нет здесь, так сказать, взгляда из окопа. С командного пункта достаточно, а вот из окопа — маловато. Хотя и то верно, что сами командиры тоже ведь находились в окопах. Но меня давно тревожит мысль, что уходит время и умирают люди с неопознанными судьбами, со знанием таких деталей бытия, и войны, и победы, о которых, кроме них, никто нам не поведаст никогда. Возможно, сейчас, пока не совсем поздно, следует нашим литераторам заняться встречами с этими людьми, беседами с ними, с тем, чтобы сохранить материал для будущих коллективных сборников, подобных тому, какой создан о разгроме Деникина. Там есть совершенно бесценные воспоминания участников этого разгрома. А разве разгром гитлеризма, даже только та борьба с ним, какая велась на территории нашего края, менее значимая тема?

Жаль, что не догадались составители поместить в конце сборника краткой справки об авторах. Молодому поколению читателей имена многих из них мало что говорят. А имена эти

достойны того, чтобы их знали.

Но недостатки эти — частности. В целом же все, кому дорога история нашего края, его героическое прошлое, будут благодарны составителям, их доброму и полезному труду, за то, что они дали нам почувствовать и увидеть свет, хотя бы и отдаленный, тех багровых горизонтов, что в трудный час освещали нашу родную землю. Пусть нынешнее поколение и поколения, идущие вслед ему, помнят, какой ценой завоевано их мирное бытие, и понимают высокий смысл простых слов участника гражданской и Великой Отечественной войн, поэта Андрея Максимовича Исакова, обращенных непосредственно к ним:

...Вам историю дней
изучать по курганам,
по братским могилам,
по мраморным плитам,
Я же помню ее
по знаменам пробитым,
по товарищам павшим,
по собственным ранам.

В. ГНЕУШЕВ.